

*Памяти Героя Небесной Сотни
Евгения Котляра посвящается*

«Каким он парнем был...»

Харьков прощался с ним в самом центре города, под Тарасом. Вряд ли видел когда-нибудь раньше поэт, как на покрытый флагом Украины гроб ложились и ложились живые цветы, их перекладывали на гранитную тумбу рядом, а люди шли двумя бесконечными потоками, вытирали слезы, крестились и подводили детей...

"Знаю, що мало втішного в будь-яких словах, але це – прекрасна смерть (якщо вибирати між нею і смертю від хвороби, нещасного випадку або немічної старості) на таку смерть борця за Свободу і Гідність заслуговують великі люди. І він живий, він буде вічно жити, бо в серці має те, що не вмирає!" – написала в Фб одна из патриоток.

Кем же он был, Женя Котляр, 33 года, харьковчанин? Можно ли сказать, что он был обыкновенным человеком, таким как все? Ответ дал в этот день, 23 февраля 2014 года, затаившийся, неопределившийся еще Харьков.

Короткая жизнь Женечки в воспоминаниях хорошо знавших его людей.

Котляр Николай Иванович, отец:

«В детстве Женя был спокойным, "домашним" ребенком. Никогда не бился на полу в истерике, не требовал чего-то купить. В садике у него мог отобрать игрушку на пол-головы меньший его "разбойник", а он только стоял и хлопал большими ясными глазами в обиду на несправедливость мира. Я даже пытался учить его давать сдачи, но без видимых успехов.

Несмотря на скромные достатки, детей всегда старались развивать. Женя ходил на фигурное катание и музыкальную школу, а дочь – в музыкальную и художественную школы.

Сын не стал ни спортсменом, ни музыкантом, но ничего не пропадает даром. Например, понимал и любил классическую музыку, был крепким и очень выносливым.

Еще помню, как в детстве сломал руку, а мы, бестолковые родители, подумали, что ушиб, ведь криков и стонов не было – просто пожаловался, что упал и болит ручка. Через неделю или две, когда заметили, что рука вроде неровная, повели в травмпункт – пришлось сросшееся ломать и накладывать гипс. Как это происходило – я под дверью даже не услышал, когда выходили из кабинета, оба с женой уже улыбались.

А вообще бойцовский характер впервые проявился в старших классах школы. Под окнами в сильный ливень собиралась огромная лужа, вода доходила машинам до фар. Несколько "крутых" водителей успели выскочить на недавно

посеянный газон и погнали в объезд, вырывая из размокшей земли с корнем изумрудную траву. Уже начала собираться очередь желающих повторить их маневр, но на защиту свежепосеянного газона встали жена с Женей и стояли под дождем и руганью, пока опасность не минула. Никто из подъезда десятиэтажки больше не вышел, возможно, даже и не заметили.

В 20 лет Женя остался без матери. Солнечный августовский день, ярко-желтое платье, но зрение ухудшается, и очки остались дома. А за рулем «жигулей» – студент с матерью, опыта мало, наверное, еще отвлекся на разговор.

Так вот человек пошел в магазин за сто метров от дома и больше не вернулся. Женя перенес утрату мужественно, только стал еще молчаливее...

С детства Женя просто бредил компьютерами, тогда еще только входившими в обиход. Когда пришло время выбирать профессию, – другие варианты просто не принимались к рассмотрению.

Правда, сама учеба в ХИРЭ постепенно разочаровала, была даже мысль бросать. И с работой по специальности не очень ладилось: монтировал локальные сети, вел компьютерный учет на складе и пр., но хотелось другого. После событий в парке Горького компьютеры перешли в разряд хобби».

Постройка дороги через парк Горького, сопровождавшаяся массовой вырубкой деревьев, вызвала стихийные протесты. Среди сотен харьковчан, объединившихся, чтобы спасти любимый парк, был и Женя Котляр.

Олег Перегон, активист Зеленого фронта:

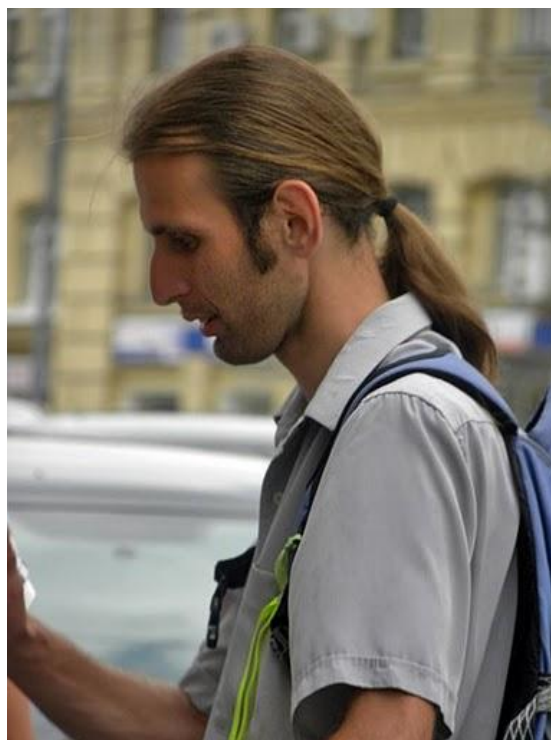
«Женя Котляр – это человек, который запомнился всем нам своей добротой, оптимизмом, особой аурой спокойствия, которая буквально витала вокруг него.

Сегодня в нашей организации скорбь. Наши сердца сжимаются от боли. Смерть забирает лучших. И мы обязаны хранить их память...

Кадры видеосъемок о том, как бандиты, уничтожавшие Парк Горького ради сомнительного проекта строительства никому не нужной дороги и возведения вокруг нее элитных борделей, валили дерево, на котором находился Евгений Котляр, облетело весь мир.

Это был совершенно особенный человек. Альпинисты, по сути, это люди отчаянной смелости. Но при общении с Женей даже не верилось, что он – альпинист. Скорее, его можно было принять за музыканта или художника.

Есть люди, рядом с которыми всегда комфортно. Одним из таких людей был Евгений Котляр. Он любил природу, он всегда помогал людям, всегда был жизнерадостным человеком».

Вспоминает Лена Новицкая, подруга:

«Впервые я увидела Женю в мае 2010го года. Я тогда прибежала защищать парк Горького. А он уже был там. Как-то так получилось, что мы сразу, действительно с первого взгляда, понравились друг другу и подружились. Он был невероятно деликатным, тонким человеком, это сразу чувствовалось.

Через пару дней оказалось, что он герой, человек-птица. Увы, в эти страшные моменты меня там не было. Женя никогда не гордился тем, что сделал. А сделал он немыслимое, почти невозможное. Он даже не любил говорить об этом.

Вообще говорить о себе серьёзно он не любил. Всегда отшучивался, всегда больше слушал, чем говорил. Но при этом был очень сильным, жутко упрямым. Переспорить его было просто невозможно. У него были чёткие принципы и приоритеты, он редко высказывался, зачастую был спокоен, но если уж затевался спор, то всем было мало места. Женья вспыхивал на глазах и готов был драться за то, во что верил и что считал правильным. Хотя и драться он не любил, был очень миролюбивым, несмотря на вспыльчивость.

Но он очень болезненно воспринимал любую несправедливость, чувствовал любую проблему как свою, близкую, его бесило, что мир устроен как-то не совсем правильно.

Он всегда строго судил себя. Других не осуждал никогда, но в его присутствии как-то хотелось самому стать лучше. Его мнение для многих было очень веским, его уважение дорогого стоило, да и его самого все уважали. Даже те, кто не особо симпатизировал.

Чувствовалось, конечно, что вся эта борьба (оставаться в стороне от неё он просто не мог) его утомляет. Он всегда со мной здоровался словом «мяу», котов очень любил, и иногда казалось, что сам он такой кошак, которому бы валяться где-нибудь на природе и мурчать.

Но мир от него много требовал, или, наверно, сам он много требовал от себя ради этого мира. А мир, к сожалению, штука неблагодарная. Потому покоя у Жени никогда не было. Это явно ощущалось. В нём очень чувствовалась усталость, особенно в последнее время. Как будто его давила вся та фигня, что вокруг происходит, как будто всё это он не просто воспринимал и переживал, но всё это оставалось в нём тяжёлым и горьким грузом.

Он как будто взял на себя ответственность за весь мир, и никак не мог его подвести. Он был очень добрым и светлым, но при этом чётко понимал и чувствовал всё худшее, что есть в мире. У него не было иллюзий относительно происходящего, но, тем не менее, он делал что мог, просто потому что иначе для него было невозможно».

Антон Ермоленко, друг:

«После репортажа по ТВ началось что-то невероятное: известные политики начали наперебой зазывать его в свои партии, обещая пристойные деньги и головокружительную карьеру. Но Женю такие разговоры раздражали. Он говорил, что хочет быть "свободным" высотником и зарабатывать деньги честно, а политика – слишком грязное дело, и она его не интересует».

*Попутчик в велопоходе (комментарий на сайте
"Харьков турист"):*

«С Женей я познакомилась почти 5 лет назад, когда мы-велосипедисты поехали на этно-фестиваль "Поющие террасы". Думаю, что его помнят все те, кто с нами ехал, группа была не многочисленна (десятка 2 примерно). Познакомились с Женей в электричке, он не знал еще никого. Искренний, чистый, отзывчивый – почувствовалось сразу. На старом велике, в дороге ломалось что-то, смущался, что доставляет неудобства, и все время находил, где может кому-то помочь – развести костер, нарвать яблок, подкачать шины.

Ну почему с такими людьми так?!!! Пока здесь не увидела тему – верила – может не он... Да если бы и не он. Как всё ужасно».

(Добавлю: осенью 2013 года он купил хороший велосипед. Изучал маршруты, планы были большие. Но успел только пару раз опробовать технику в парке...)

Николай Кондраченко, знакомый:

«Вчетвером были в пешем турпоходе, с огромными рюкзаками под палящим солнцем, и немного заблудились. Один из парней постоянно ныл. В момент очередного сеанса нытья Женя просто повернулся к нему и спросил: «Тебя разгрузить?» И настала тишина. Еще Женя лучше всех нас плавал и нырял, под водой мог находиться очень долго. Оказалось, детство провел возле реки, плавать и ходить научился практически одновременно».

Андрей Курган, школьный товарищ:

«Оба увлекались фантастикой, любили обсудить, часто спорили. Меня всегда поражала широта эрудиции Жени. Космогонические теории и биология, структура древнеримских войск и тактико-технические характеристики танков и подлодок Второй Мировой-на многие темы он не просто мог высказаться, он всегда аргументировал, часто приводя на память цифры и факты. И никогда не спешил выстрелить свое мнение».

Гультаева (Котляр) Людмила Ивановна, тетя:

«Жили в разных городах, далеко друг от друга. Вспоминается последняя встреча с ним – лето 2013 года: высокий, стройный, впечатляюще яркой внешности юноша – и обезоруживающая улыбка, распростертые объятия. Гостеприимный, искренний, открытый. И откуда было знать, что перед нами человек с такой энергетикой, такая глыба заложена в нем! ... Хочется крикнуть на весь мир: «Знаете, каким он парнем был!!!»

Из письма Оли Чистотиной:

«У нас все было – взгляд. Все самое важное, самое... Самое. Все – взгляд, а не слово. Я не верю, не могу поверить, что не встречу этих глаз...

Я встретила Женю четыре года назад – в бурном мае 2010, на протестах в парке Горького. Все было так просто – и так сложно, так мало – и так неуместимо много. Поил меня чаем – «Кружку взяла?» – «Нет!» – «Держи мою»... «Ты опять учиться? Останься...» – но вечером шел провожать – «Саму

не пущу!». А назавтра, когда еще только подходила, с замиранием сердца знала, что там встретит его вечное – радостное – «О, кто к нам пришел!» или просто мурлыкающее «Олька»... А я брошусь к нему и обхвачу за шею – не смотря на все заверения, что после рубки грязный – не видела человека чище.

Я так мало о нем знала: он тогда был для меня добрым лесным духом, который только таинственно улыбался, если я что-то расспрашивала. Он был нашим героем – птичкой – самым скромным и самым настоящим. Рисковавшим здоровьем и жизнью в своей первой «революції Гідності» – и с улыбкой отшучивающимся от рассказов об этом.

Не знаю даже, что меня завораживало в нем больше всего – не то странное сочетание почти детской открытости и почти полного моего ничего-не-знания о нем, не то это потрясающее соединение простоты и благородства в каждом движении и слове. Ни капли фальши, притворства, грязи – он лишь темнел и менялся в лице, когда сталкивался с ними. Он не лез в политику, в славу и власть – а просто был духом баррикад, самым сердцем нашего радостно-горького парка.

Кажется, его любили все и везде – Женьку ведь просто невозможно не любить! Даже замученный дежурствами и бессонными рассветами вырубок, худой, с одними огромными глазищами на лице, он всегда светился – так тепло, так мирно, так ласково. Из-под его лучей просто не хотелось выходить – и может быть, каждому казалось, что именно к нему Женя лучится совершенно особо.

Всеми любимый, он оставался внутренне одиноким... Мы так и не встречались в обычном понимании. Что это было? Такое трепетное родство душ, такая невысказанная во всем нежность... Я не решилась, не сделала шаг первой. Он был в полушаге. О, если бы я знала!...

Как мучительно знать, что поздно. Что уже ничего не сказать, не вернуть... Не закричать, что люблю. Так нестерпимо горько все понимать и не мочь ничего, ничего уже сделать. Не сказанное осталось так и осталось несказанным. Каждый раз накатывает горячей волной слез...

Женька, слышишь, я счастлива, что знала тебя!».

Елена Сосна, друг:

Елена Сосна

понедельник, 24 февраля 2014 г.

Мы его называли - Птицей! Памяти Евгения Котляра

Вчера я последний раз посмотрела в лицо Жени... Оно было спокойным, но его приветливые глаза не улыбались...

Он смотрел на меня с Поднебесья...

Когда в 2010 году рубили лес и строили дорогу, Женя пришел защищать деревья. Пришел сам, и его навыки альпиниста высотника оченьгодились. Он мог забраться повыше и посидеть подольше. Тогда пришлось сидеть на деревьях с мыслями о том, авось с живым человеком деревья не будут пилить... Но очень скоро та борьба за лес переросла в борьбу за правду, за то чтобы в этой стране у человека, вообще, могло быть мнение, своя точка зрения и человека за это не распилят...

Уже тогда ходило много хитрых разговоров о проплаченных альпинистах, сидящих на деревьях, о том, что все это пиар и все за деньги. Я там была лично и могу сказать честно - все делалось за идею. Ужасно, когда есть люди, которым невозможно в это поверить. Я тогда спрашивала себя, зачем нам посылается такое странное испытание – Вырубкой? Возможно, чтобы мы встретили друг друга. Встретились равнодушные сердца.

Женя с радостью брался за обучение всех желающих постичь не хитрую науку подъема и спуска по веревкам...

Многие пробовали, иногда уходили. И дело было не только в боязни высоты... Дело было - в силе духа и в вере, что что-то можно изменить. У Жени она была. Он оставался до последнего, когда пилили деревья вместе с людьми. Из парка он ушел одним из последних.

Этим летом довелось с Женей поработать на высотке. Спокойный, всегда улыбчивый, даже в 30 градусную жару, всегда подаст девушке ведро с краской... Никогда не гнался за высокими расценками, просто честно делал свое дело. Помню, сорвалось ведро с раствором, оторвалась ручка, пролетело 7 этажей и просвистело совсем рядом с Женей страшным грузом... Для многих это вообще повод закончить работу, по крайней мере на сегодня... Женя спокойно попросил заколотить новое ведро и продолжил работать. А еще Женя очень любил ходить в горы... Это была его настоящая отдушина, и рассказывал он о своих путешествиях с душой.

Не смог он усидеть и когда началась Революция... И я точно знаю, что Евгений поехал в Киев за идею, чтобы изменить к лучшему этот мир...

У него была чистая, смелая душа... И эта душа не побоялась выйти под пули, чтобы помочь раненому другу... Он не смог по-другому...

Пуля снайпера лишила жизни Евгения Котляра...

Ему было 33...

Он был смелее, сильнее, чище многих из нас... Он это сделал за нас.

Нам ходить под этим серым или голубым небом, нам жить, нам помнить... нам смотреть вдаль и видеть...

Как кружат в небе птицы... одна из них птица – Евгений Котляр.

*Мы его называли Птицей,
Потому что такой человек,
Он ведь мог на деревьях гнездиться,
Там прожить то ли день, то ли век...
Он мог просто в горах до рассвета,
Жечь костры и на звезды смотреть,
И по краешку жаркого лета
За туманы – лететь и лететь...
Он смог честно... А ты, Ангел Белый,
Почему не успел, не сберег,
Ты же видел – он
добрый и смелый,
Он под пули шагнул
– и полег...*

*Над Майданом, над
вольной страной
Сотня птиц все
летит и летит,
Женька там,
легкокрылой
душою*

Серый Харьков от бед боронит.

Да, харьковская писательница абсолютно права. Борьба за деревья в парке была проиграна, но благодаря ей появилось много новых хороших друзей, людей граждански активных, интеллектуальных, отзывчивых, которые стали потом костяком и харьковского, и киевского Евромайданов. И появилась новая профессия, ставшая основной. Далеко не каждый может работать промышленным альпинистом. Работать на высоте десятков метров с прикрепленной к веревке жердочки шириной 10 – 15 см – на это нужна врожденная отчаянная смелость.

Котляр Николай Иванович, отец:

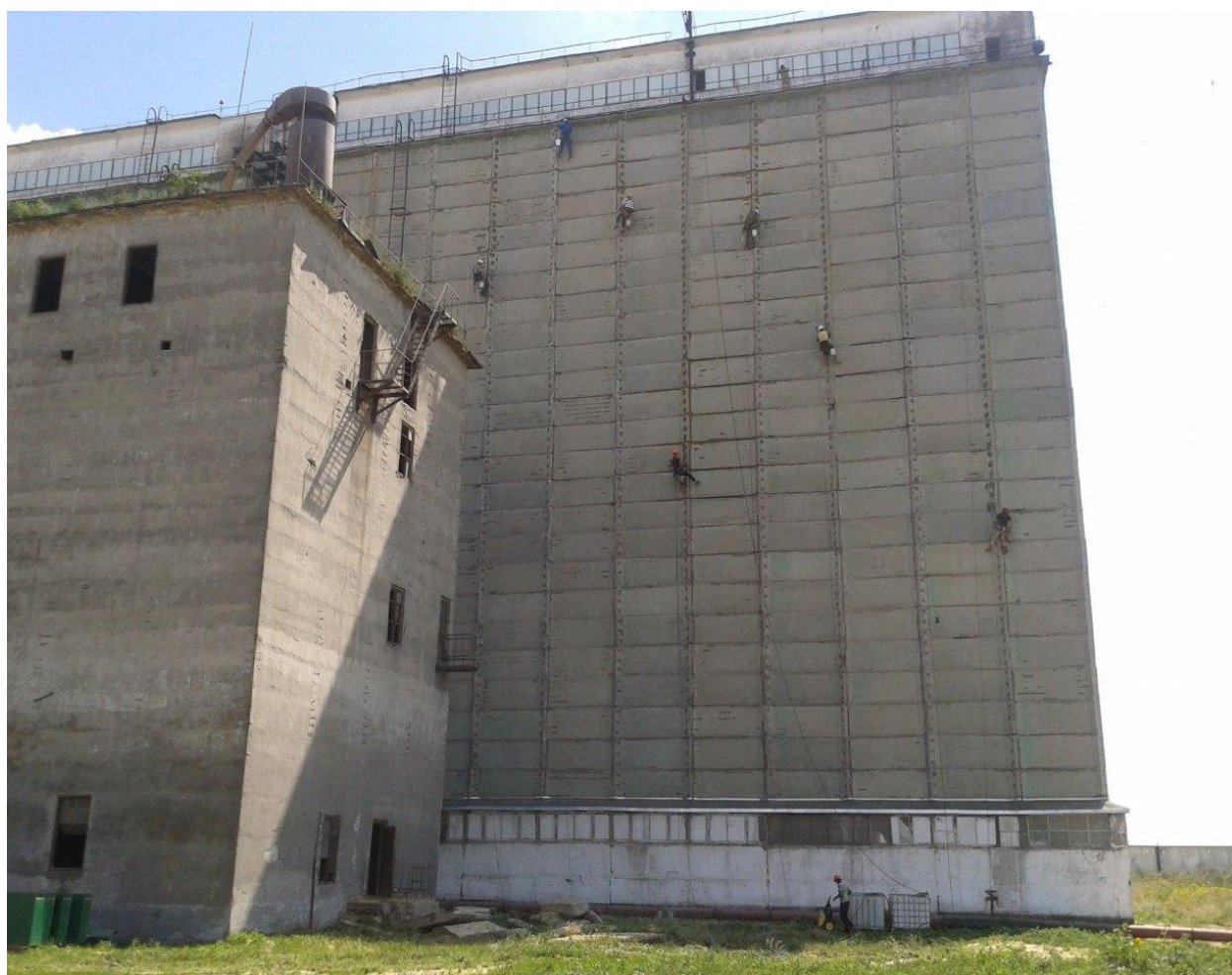
«К освоению этой профессии сын подошел творчески: «прочесал» интернет, общался, перенимал опыт. Осваивалось вязание множества разнообразных узлов, устройство и характеристики приспособлений и пр. Вкупе с практикой это быстро дало результат: пошли заказы, появился авторитет среди коллег, и даже начали производители присылать на тестирование новые образцы веревок и приспособлений.

Поначалу нередко бывало, что подолгу задерживали зарплату, а иногда и вовсе не платили заработанное нелегким трудом. Со временем очертился круг людей, с которыми было комфортно работать, и работодателей с проверенной репутацией.

Женя быстро стал своим в среде альпинистов, через интернет общался с коллегами со всего бывшего Союза. Помню, как-то на сайте «промальп» появилось сообщение, что где-то, то ли в Москве, то ли в Питере, был несчастный случай, незнакомый парень сорвался с высоты, остались сироты. Женя в тот же день перечислил немалую сумму, хотя сам в то время сидел без заказов и деньги таяли. По-другому просто не мог.

Работа иногда была просто на износ, на энергетиках. Например, внутри элеватора, в пыли от зерна, духотище, при свете фонариков и, понятно, на большой высоте. При этом сроки, как обычно, поджимали, работали по 12 – 14 часов в сутки.

Многие бросали, несмотря на хорошие расценки. А Жене нравилось то, что он был сам себе хозяин – ни проходной, ни цепочки начальников, заработал денежку – можно на недельку на диван, за компьютер или в поход, а дальше самому решать, браться ли за очередной заказ и с кем.

В походы ходил много: местные маршруты, Крым, Карпаты.

Из последнего, в Карпаты, привез массу впечатлений от потрясающей красоты тех мест, величия Говерлы, незабываемой природы.

Как последний привет от Карпат, друзья недавно привезли оттуда маленькую елочку, которая будет в годовщину подвига и трагедии высажена у памятника.

21 ноября 2013 г. – в украинском воздухе уже носится революция, а Женя целый вечер бродит по городу с человеком, которого не видел несколько лет. Глаза горят: «слышала, а ведь в Киеве – революция!». «Надо ехать!» – «Почему не здесь?» – «Все будет решаться в Киеве».

Решилось. Если бы он знал, как – все равно бы поехал.

Первые дни Женя был на харьковском Евромайдане, но сразу после разгона студентов уехал в столицу. На его страничке остался ответ кому-то в сети: «А как еще, расскажи, бороться? Когда цинично избивают наших парней и девчонок? Как? Ты, конечно, можешь продолжать борьбу возле зомбоящика с

бутылочкой пива в руке, а я уже купил билет на Киев!» – В этом он весь, это то главное, что присуще всей «Небесной Сотне».

Из воспоминаний Екатерины Цуд:

«Ми познайомились з Євгеном 31 листопада 2013 р. на нічному вокзалі Харкова, стоячи на пероні біля поїзда, що прямував на Київ. Усіх нас об'єднував спільний шлях – на Євромайдан. Євген їхав зі своїм знайомим Сергієм захищати власну громадську позицію разом з іншими активістами, що стікались з усіх міст України до Києва.

Ми разом зайшли в плацкартний вагон та зайняли свої почесні верхні бокові місця біля туалету. Купували квитки в останній момент – тому вибирати було ні з чого, та й ажіотаж навколо київських поїздів останнім часом був нічогенький таки собі. Євген видався видався мені мовчазним хлопцем, та був він сповнений якоїсь внутрішньої сили, що світилася невимовним блиском в його очах. Я й досі жалкую, що у нас не вийшло тоді більш дружньої розмови.

Пригадую, як усі разом швиденько прямували до парку Шевченка, де мав розпочатися мирний мітинг. Скрізь лунали гучні лозунги, майоріли національні прапори і промовисті плакати.

В той день ми встигли зняти репортаж з тієї самої ялинки, що стала символом революції, слухаючи звідти гучні промови нашої «святої трійці». В мене ще тоді зародилась думка, що «такі за собою людей не поведуть». Хто ж міг тоді знати, що справжні герої – не ті, які закликають до дії, плигаючи на підмостках ЗІЛу, що справжні герої десь набагато ближче.

Виявилося, зовсім близько. Ним був Євген, який тихенько їхав зі мною по сусідству на другій полиці у плацкартному вагоні сполученням Харків – Київ».

1 грудня 2013 р., Київ. Євген другий праворуч

Женя был на Майдане почти всю зиму (благо, сезонная работа это позволяла) – лишь несколько раз на короткое время приезжая домой. Он записался в Третью сотню. Современем ему не раз предлагали стать десятником и даже сотником, но он важно и твердо отказывался, предпочитая просто спокойно выполнять свое дело. Это дело он быстро нашел: наибольшую пользу он мог принести на ночной вахте Майдана. Днем людей было много, и опасность штурма была существенно ниже, а вот ночью, когда многие киевляне расходилась по домам, все менялось.

У него был в Киеве крепкий тыл: удивительная семья Поляков, бывших харьковчан и тоже соратников по парку, активистов и волонтеров. Они снимали маленькую квартирку, в семье был грудной ребенок, но постоянно жил кто-то из протестующих, часто по несколько человек. Женя все ночи проводил на Майдане, а днем отсыпался там.

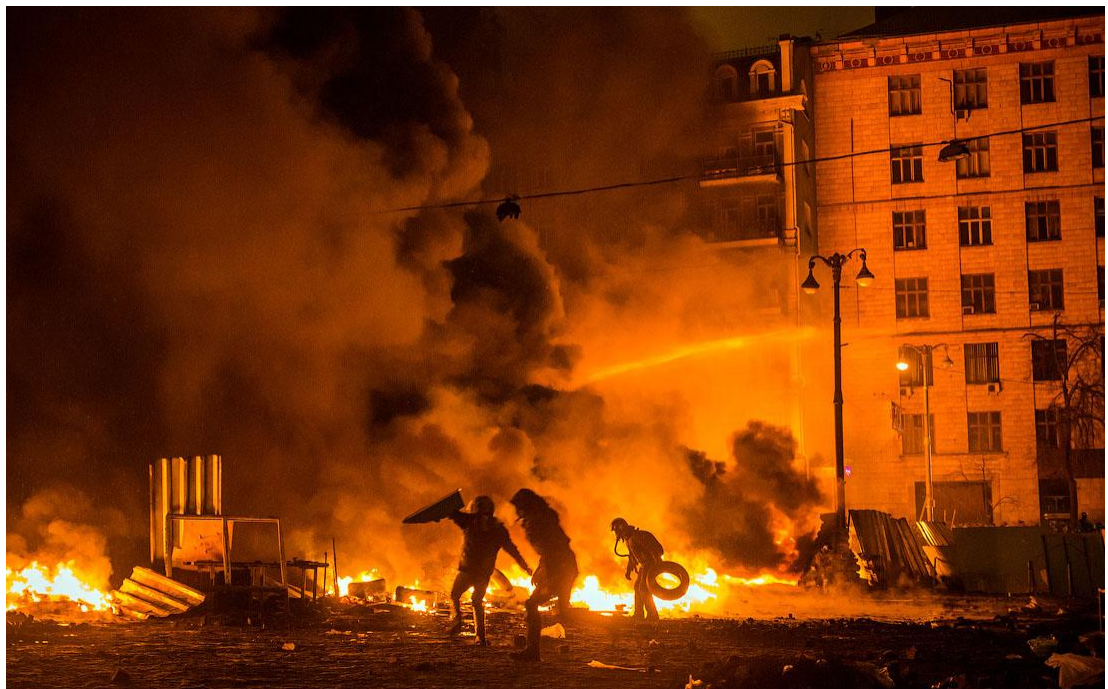
Спогади Ані Поляк. Женья Котляр: те, що пам'ятаю

Майдан

До Києва Женья приїхав наступного дня після подій під стеллю на Майдані. Записався до третьої сотні (відпочатку "їхня" барикада була біля Лядських воріт – вона вважалася місцем особливо важливим, оскільки очікували, що "беркут" може спуститися по одній із вулиць від костюлу чи з Михайлівської площі). Вдень він зазвичай був у нас удома – переважно спав. Іноді гуляли разом із моїм маленьким сином, і я думала, що з Женьки вийде прекрасний тато...

А ночі проводив на Майдані – або чергував на барикадах, або прикривав щитами інших хлопців, які кидали коктейлі, або, коли дійшла до цього справа, переносив поранених та загиблих. "Я коктейлей не бросаю... У мене бросок плохой – чего зря материал переводить," – Женька пояснював, чому за весь час так і не кинув жодного коктейлю, саме так...

Думаю однак, що він просто був більше схильний захищати інших, а не нападати. Хоча, може ми просто всього не знаємо – ми ж не були поряд із ним тими ночами, і тепер назавжди відчуваємося винними перед ним...

Якось він прийшов із розбитою ногою. Виявилось, у щит влучила шумова граната. Розбила щит, розбила ногу. "Да ничего страшного..." – відмахувався він. А ту гранату підібрав і вкинув у рюкзак до інших цікавих предметів: гумові кульки, якісь залізяки: "Вот, смотри, чем сейчас эти птицебройлеры стреляют....".

Наші будні

Повертався додому від десь близько сьомої ранку. Я вже звикла вставати раніше і коли він приходив, чайник завжди кипів. Світло на кухні не вмикала – і на стінах танцювали відблиски полум'я. Він відчиняв двері, я кидалась йому на шию: "Прийшов!...Живий!..." Реакція завжди була однаковою: "Солнышко, я тварь живучая, что мне делается..." А потім – неодмінно чорний чай (з чебрецем, м'ятою і чорнобривцями), а потім він спав, і розбудити його до вечора іноді було непросто.

Якось він застудився, довелося три дні і три ночі відлежатись удома. А потім зібрався знову. "Ти знову хочеш іти?" – "Не хочу, конечно... Конечно же – не хочу... А надо..." – заусміхався і пішов...

“Тобі не страшно?” – “Страшно... Конечно, страшно, солнышко, но что поделаешь... Надо!” – і усміхався.

Те, що було весело

Якось іще в грудні він прийшов додому під ранок і з порога замахав руками: “Не обнимать!”. “И не нюхать!” – уточнив, обережно знімаючи куртку і згортаючи її зовнішньою поверхнею всередину. Я його, звісно, обняла, за що негайно поплатилася – почала сильно чхати, а потім усе обличчя почало пекти і чухатись. Виявилось – щедро полили перцевим газом.

Нейтралізували підручними засобами. Куртку викинули на балкон. Сиділи на кухні. Женья сміявся і чхав, і ковтав свій киплячий чай, я обережно ковтала

прохолодну воду. А дві мої собаки сиділи поряд із ним, били хвостами, намагалися раз-по-раз лизнути Женю за джинси – і страшенно хекали і чхали. Після того, як спорожніла друга миска води для собак, а в нас із Женею якось не хотіло проходити це газове чхання, до нас дійшло, що окрім куртки треба було терміново змінити джинси. Вони полетіли у ванну в окремому щільному пакеті. Ми всі чхали, певно, ще пару годин. І сміялись...

Одного ранку (через кілька днів по тому, як майданівці взяли Український Дім) він прийшов весь чорний – так, наче сажу трусив, абощо. “Жень, ти там що – можежу гасив?!” “Именно. Чай есть? Сейчас я тебе расскажу, какой бывает сюр”. Це таки була сюрреалістична ситуація. Женя патрулював територію від Майдану до Європейської площі – просто йшов по вулиці і дивився, чи не відбувається щось дивне. Побачив біля готелю Дніпро вогонь і дим. Підбіг – виявилось, що трохи не доходячи до готелю, у глибині є невеликий будинок.

Не знаю, що там було, але він загорівся. Вибіг швейцар із готелю Дніпро, переляканий дуже. Женька разом із ним викликав пожежну машину і побіг гукати хлопців. Народ тягав мішками сніг і, оскільки пожежа ще не встигла розростись, її вдалося потрошку зменшити, хвилин через сорок видимий вогонь погас. Кілька охоронців та швейцар із “Дніпра” дякували хлопцям із Майдану, передусім – Жені, тому що якби він не побачив і не відреагував – могло б розгорітися сильно і перекинутися на готель.

Пройшло ще кілька хвилин. Хлопці почали розходитись. І тут помітили, як до місця події неквапом рухаються три пожежника. У формі – але без жодного устаткування. Зовсім-зовсім без нічого. Вони повільно підійшли до хлопців і спитали: “Оце ви пожежну викликали?” “Викликали, – сказав Женька. – Сорок п’ять хвилин тому...” “Так ми оце прийшли подивитися, що у вас тут сталося. Горить у вас щось, чи що?”... Сміялися до упаду всі хлопці, і Женя з ними. А пожежники так і не зрозуміли, що ж такого смішного вони утнули. І так само повільно пішли назад.

Музика і друзі

Здивувалася, коли дізналась, що він закінчив музичну школу за класом скрипки. Виявилося, що я знаю його концертмейстера – вона працювала з музично обдарованою дочкою наших харківських друзів, дівчинка – теж Женька. Вони, наші друзі, були знайомі з Женею по скайпу. Коли дізналися про Женіну загибель, сиділи всі разом, і плакали. І їхні сльози падали на клавіатуру так само, як і на мою. Синхронно...

Я поділилась би запасами скрипкового Баха і Брамса. Йому подобалось. Кілька разів збиралась переписати все, що хотілося, йому на флешку – і не встигла. А він трошки поділився тією авторською музикою, яку любив слухати сам. Знайома й мені “Башня Rowan”. І “Мельница”, концерт якої буде в Києві на початку листопада. А Женька хотів би на нього потрапити...

Я не пам’ятаю чіткої хронології. Не пам’ятаю, що він робив такого-чи-такого числа. Єдина дата, яка вривається в пам’ять окрім лютого – 16 грудня. Померла моя 15-річна підопічна, що стала вже товаришкою. В лікарні, від лейкозу. Дуже несподівано – я сподівалася, що їй уже стає краще. Я кілька годин

сиділа на дивані в куточку – і плакала і мовчала. А Женя весь цей час сидів поряд, обережно обнімаючи мене за плечі.

Потім ми тихенько поставили скрипкові сонати і партити Баха і мовчки слухали їх разом. Потім говорили про те, що Бах їх присвячував своїй першій дружині. Всі мінорні. А останні, – написані в мажорі, написав майже одразу по її смерті. Такий от теологічний реквієм.

Тепер як слухаю сама – згадую і Катю і Женю, одночасно.

Тато

Кілька разів (здається, тричі) він повертався до Харкова на кілька днів – удома ж залишався тато.

Татові Женя намагався не розповідати найбільш тривожних речей, переконував, що він у безпеці, що нічого з ним страшного не станеться.

Коли вже після Женіної смерті його тато дізнався, що Женя був знайомий із Сергієм Нігояном і що був десь поряд, коли Нігояна вбили, тато здивувався: "Вот он, оказывается, где ходил... А мне говорил все время, что он в безопасности...".

А ще, коли вдалося добути одноразові термопакети для рук і ніг, Женя частину з них відклав. Сказав, що тату відвезе – тато любить зимою рибалити, якщо б йому такі термопакети у взуття й рукавички – в нього руки менше мерзнутимуть... Це був єдиний випадок, коли Женя щось узяв з Майдану “для себе”. Зазвичай, усе, що він там брав – це був чай із намету Мальтійців. Одразу біля Головного штабу – чай був солодкий, з імбиром і лимоном, і останнє, що ми робили з Женькою разом – 19 лютого пили цей мальтійський чай.

Востаннє

Женя поїхав додому за кілька днів до початку "мирного наступу". А коли все почалося, у вівторок удень зателефонував: "Мне стыдно, что я не там..."

Сейчас как-нибудь приеду..." І приїхав вечірнім експресом, і в ніч із 18 на 19 лютого вже знову був на Майдані. Він поновився у своїй третій сотні, але планував приєднатися до новоствореної харківської сотні.

Ми зустрілися з ним уночі біля Михайлівського монастиря, а потім він спустився вниз. Додому перепочити більше не приходив: "Я тут сейчас нужнее... Еще отдохну, успеется...".

Востанне ми з ним бачились удень 19 лютого – попросили склянку чаю у мальтійському наметі, він показав, де там на Інститутській стоїть "Беркут". І махнув рукою в бік готелю "Україна": "Ну а там где-то, вроде-бы, снайперы сидят..."

Что еще было 19 февраля – конкретно не известно. Очень трудно отыскать тех, кто был рядом в тот день. Возможно, это особенности человеческой памяти в экстремальных условиях, в том калейдоскопе событий и нечеловеческого напряжения. Точно известно, что последнюю ночь с 19 на 20 провел на коврах в коридоре минагрополитики, вместе с подъехавшими на подмогу харьковчанами. Справа спал Влад Зубенко, второй харьковчанин, смертельно раненый в тот день на Институтской.

Миша Складенко, ночевавший с другого боку, вспоминает, что проснулись довольно поздно, расслабившись в «комфорте». Женя спокойно, быстро и деловито оделся, зашнуровался, кроме синего спортивного шлема и жестяного щита, – никакой защиты не было, не говоря уже об оружии.

Внизу, у входа, мнения разделились: уже несли первых убитых и раненых, и не все готовы были идти в самое пекло. Женя немного постоял, послушал, потом переспросил: «Так вы идете?!», и махнув раздосадованно рукой, повернулся и первым пошел вверх по Институтской. На баррикадах они с Мишей уже не встретились.

Есть несколько видео, на которых Женя щитом прикрывает эвакуацию как минимум трех товарищей, есть свидетельство харьковского побратима, который издали видел, как Женя выводил целую вереницу с ранеными, уже лучше многих зная, куда нужно двигаться. И каждый раз возвращался назад, в этот ад.

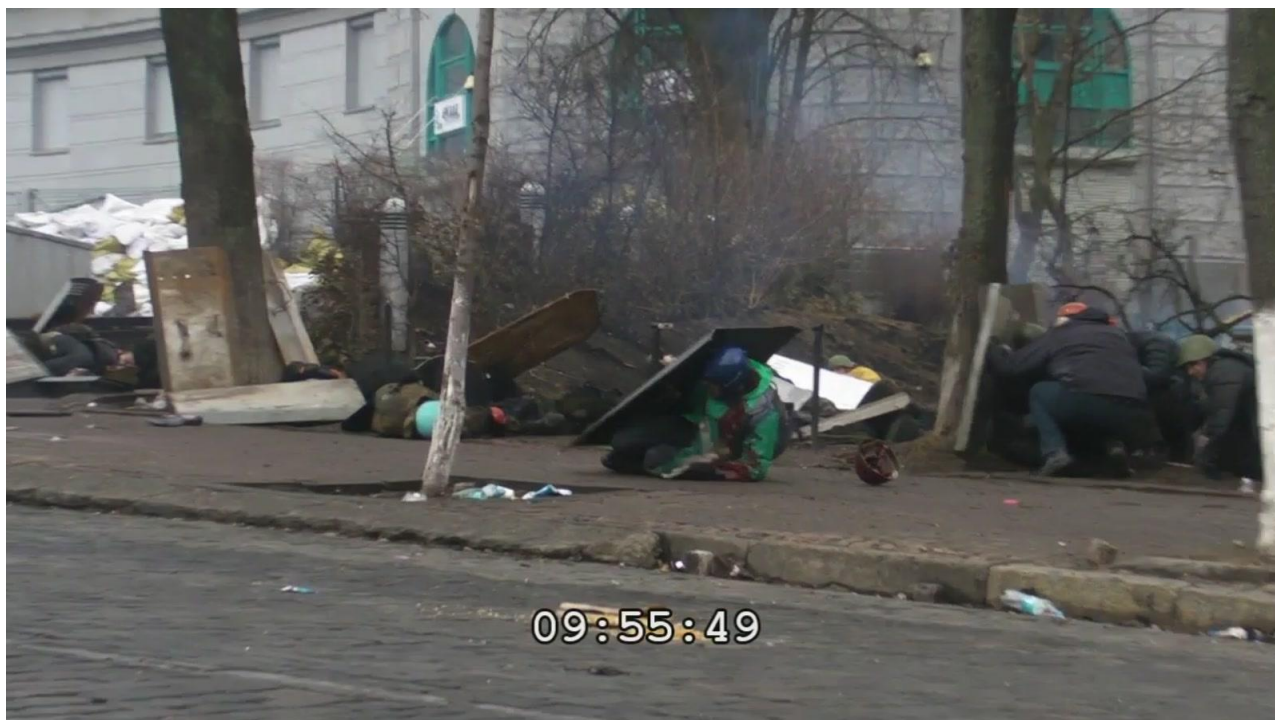

Сейчас некоторые политики и диванные умники пытаются рассказывать, что кто-то воспользовался порывом зеленых и неопытных, дал команду идти на смерть ради своих амбиций. Это полная чушь.

Пойти на такое добровольно, без принуждения, могли только самые мужественные, самые убежденные. Команды здесь бессильны. Не смогли себя пересилить даже многие из тех, кто три месяца отстоял на майдане, ушли накануне даже многие «афганцы», придумав благовидное оправдание.

Остались те, кто четко понимал, – поражение равнозначно многолетнему царствованию «Семьи» и прозябанию в евразийском болоте с жизнью по лагерным понятиям. И не только понимал, а готов был идти до конца. У каждого была записка с группой крови и контактным телефоном. И, в конечном счете, только эти жертвы и переломили ход событий, заставив ужаснувшихся провластных парламентариев проголосовать за отвод силовиков, а потом и за отстранение от должности президента.

20. 02. 2014 г. в 9.55 какая-то сволочь в оптический прицел выбрала очередную жертву. Снайперская пуля прошла навывлет шею. Он сгоряча вскочил и сделал пару шагов назад, упал, прикрываясь своей жестянкой, и здесь вторая пуля в бедро догнала его.

Ему оказали помощь под пулями. Сохранились кадры, как его выносили на деревянном щите, как делали перевязку в холле гостиницы, а потом несли к «скорой».

Он все время был при памяти. Лицо было совершенно спокойным, отрешенным и немного усталым, как после тяжелой, хорошо выполненной работы. Наверное это и есть то, что называется чувством выполненного долга. «Скорая» рванула с места, но доехать до больницы Жене было не суждено.

Ему навсегда осталось 33. Вершина жизни...

Аня Поляк, 23 февраля:

Я все чекаю, доки Женька віддзвониться, або просто відкриє наші двері своїм ключиком... Як завжди останнім часом, кинусь йому на шию: «Живий» , а він , як завжди, заусміхається, і скаже : «Солнышко, я тварь живучая, что мне сделается...». І буде сидіти на кухні (з ногами на табуретці) і питиме безкінечний чорний чай. А потім упаде спати на диван... І весь цей кошмар нарешті закінчиться.

Я знаю, що цього вже ніколи не буде. Я думала, що це відчуття очікування розвіється в міліції, де ми з татом Жені забирали його речі. А якщо ні, то в морзі на Оранжереїній, коли його побачу. Торкнулась до його рук, до лоба. Стояла біля труни. І нічого нікуди не розвіялось. Я все ще чекаю. Мабуть, ця реальність – це тільки кошмарний сон. Смерть Жені несумісна ні з якою правильною реальністю.

Стихотворение, написанное отцом Жени:

Сыну

Моя кровинка, я горжусь тобой
В тылу не ждал огонь заградотряда
Ты мог уйти. Ты принял этот бой,
Хотя свистели роем пули рядом.

Когда на землю падали друзья
– С фанерками нельзя в такую драку! –
Казалось – даже выстоять нельзя,
Вы поднялись и Вы пошли в атаку

Я б так не смог. Немногие б смогли.
Склоняюсь к дорогому изголовью.
Вы гордость, совесть, честь своей земли,
И землю эту Вы полили кровью

Прости, я снова плачу, мой герой.
Ты принял не спонтанное решение.
Как ты мне нужен здесь, сейчас, живой
Я ненавижу жертвоприношение.

24.02.2014

Вот с кем прощался сначала Киевский Майдан, а потом и Харьков 23 февраля, в день Защитника Отечества. Он отдал свою жизнь в самом расцвете сил... За Украину. За всех нас.

Будем достойны.

(с) Олена Білозерська
ІА "Поряд з вами"

Слава Україні!

Героям слава!